- Роберт ГОВАРД
  - 1. ЧЕРНЫЕ ТЕНИ
  - 2. КРОВАВОЕ ПОЛЕ
  - 3. ХИЛДИКО
  - 4. ДОМ АТАЛИСА
  - 5. РУКА НЕРГАЛА
  - 6. СЕРДЦЕ ТАММУЗА
  - 7. СЕРДЦЕ И РУКА

Роберт ГОВАРД
Лин КАРТЕР
РУКА НЕРГАЛА

Конан вошел во вкус гиборейских интриг. Он ясно видел, что нет существенной разницы между мотивами обитателей дворца и жителей Крысиной Норы. Зато во дворце можно поживиться гораздо большим. На своей собственной лошади, с запасом провизии, полученным от благодарного — и предусмотрительного — Мурильо, Конан отправляется посмотреть на цивилизованный мир, который он не прочь превратить в свою добычу.

Дорога Королей, что вьется по гиборейским королевствам, в конце концов приводит его на восток, в Туран, где Конан поступает на службу в армию короля Йилдиза. Сначала ему военная служба приходится не по душе, так как он слишком своенравен и горяч, чтобы легко смириться с дисциплиной. Более того, поскольку на тот момент Конан еще неважный наездник и лучник, а главной силой туранской армии считаются именно конные лучники, его направляют в низкооплачиваемое нерегулярное подразделение. Однако вскоре он получает шанс продемонстрировать свою истинную храбрость.

1. ЧЕРНЫЕ ТЕНИ

— Кром!!!

Проклятие сорвалось с угрюмо сжатых губ юного воина. Он откинул голову, взмахнув взъерошенной гривой черных волос, и обратил к небу горящие голубые глаза. Они расширились от изумления. Жуткая дрожь суеверного ужаса прошла по его высокой, мощного телосложения фигуре. Воин был широкоплечий, с огромной грудной клеткой, узкобедрый, длинноногий, дочерна загоревший под жгучим солнцем пустошей и почти нагой, если не считать обрывка ткани на бедрах и сандалий с ремнями до голени.

В начале битвы он был на коне, как солдат нерегулярной кавалерии. Но его лошадь, которую он получил от аристократа Мурильо из Коринфии, пала от стрел неприятельских лучников в числе первых, и юноша сражался пешим. Его щит был разбит ударами врагов; он бросил щит и сражался с одним мечом.

Сверху, с прожигаемого солнцем неба над лишенной растительности, продуваемой ветрами туранской степью, где сошлись в безумной ярости схватки две великих армии, явился ужас.

Поле битвы было охвачено заревом заката и промокло насквозь от крови людей. Могучая армия Йилдиза, короля Турана, в которой юный воин служил наемником, пять долгих часов сражалась против закованных в железо легионов Манхассем Хана, мятежного сатрапа Пограничья Заморы, что лежит на севере Турана. И вот теперь, медленно кружа, вниз с кроваво-красного неба спускались неведомые твари. Ничего подобного варвар не видел, и не слышал ни о чем таком в своих многочисленных скитаниях. Это были черные призрачные чудовища, парящие на широких перепончатых крыльях, как у летучих мышей.

Две армии продолжали сражаться, не замечая их. Только Конан, который находился на невысоком холме, окруженный телами врагов, сраженных его мечом, увидел, как они спускаются с окрашенного закатом неба.

Опершись на меч, с которого капала кровь, и позволив утомленным рукам немного отдохнуть, он уставился на жутких призраков. Ибо они казались более призрачными, нежели материальными — полупрозрачными, как клубы ядовитого черного дыма или призрачные тени гигантских летучих мышей-вампиров. Узкие щели глаз пылали злым

зеленым огнем в черных призрачных фигурах.

В тот миг, когда Конан заметил их, и волосы у него на загривке встали дыбом от ужаса перед сверхъестественным, что присущ варварам, чудовища ринулись вниз, на поле битвы — как стервятники на кровь. Ринулись убивать.

Крики боли и страха раздались среди армии короля Йилдиза, когда черные тени набросились на их ряды. Куда бы ни падал черный дьявол, он оставлял за собой труп. Их были сотни, и ряды усталых воинов туранской армии рассыпались. Солдаты падали, спотыкались, бежали, в панике побросав оружие.

— Сражайтесь, псы! Стойте и сражайтесь! — громовым ревом отдавая приказы, высокий человек верхом на огромной черной кобыле пытался сохранить ломающиеся линии. Конан заметил блеск посеребренной кольчуги под богатым голубым плащом, лицо с ястребиным носом и черной бородой, величественное и жесткое под остроконечным стальным шлемом, в котором кровавое солнце отражалось как в зеркале. Он знал, что этот человек — Бакра из Акифа, генерал короля Йилдиза.

С раскатистым проклятием гордый командующий выхватил кривую саблю и ударил всей плоскостью клинка. Быть может, ему бы удалось восстановить ряды, но одна из дьявольских теней ринулась на него со спины. Тварь окутала его полупрозрачными дымчатыми крыльями — смертельное объятие. Генерал окаменел. Конан видел его лицо, которое внезапно побледнело, его застывшие глаза, полные ужаса — видел сквозь окружающие человека крылья, как белую маску сквозь вуаль из тонкого черного кружева.

Лошадь генерала обезумела от ужаса и встала на дыбы. Но призрачная тварь подхватила генерала с седла. Мгновение она держала его на весу, медленно взмахивая крыльями, затем позволила упасть окровавленному, изодранному трупу в лохмотьях одежд. Лицо, которое смотрело на Конана сквозь пелену призрачных крыльев с выражением предельного ужаса, превратилось в кровавое месиво. Так закончилась карьера Бакры из Акифа.

Так закончилось и его сражение.

Когда командующий был убит, армия обезумела. Конан видел, как бывалые ветераны, за плечами у которых был не один десяток кампаний, с воплями бежали с поля боя, словно зеленые новобранцы. Он видел, как гордые аристократы визжали от страха, будто трусливые слуги. А за ними, нетронутые летучими фантомами, гнались воины мятежного сатрапа, стремясь укрепить свое полученное сверхъестественным путем превосходство. День был потерян — если только не найдется решительный

человек, который не дрогнет и соединит разбитую армию своим примером.

Внезапно перед первыми из бегущих солдат выросла фигура столь дикая и угрюмая, что вид ее остановил их безрассудное паническое бегство.

— Стоять, трусливые ублюдки! Не то, клянусь Кромом, я накормлю сталью ваши животы!

Это был наемник-киммериец. Его темное лицо напоминало угрюмую каменную маску, от которой веяло холодом смерти. Свирепые глаза под черными нахмуренными бровями сверкали вулканической яростью. Нагой, залитый с головы до ног дымящейся кровью, он держал длинный тяжелый меч в могучем, покрытом шрамами кулаке. Голос его был подобен глубокому ворчанию грома.

— Назад, если вы хоть сколько-нибудь дорожите вашими презренными жизнями, вы, белобрюхие псы! НАЗАД! Или я выверну ваши трусливые кишки к вашим ногам. Подними на меня свой ятаган, гирканская свинья, и я вырву твое сердце голыми руками и заставлю тебя съесть его, прежде чем ты умрешь! Что? Разве вы женщины, чтобы бежать от теней? Но вы же только что были мужчинами — о да, и вы сражались, как подобает мужчинам Турана. Вы бились с врагами, вооруженными сталью, вы встречали их лицом к лицу. Теперь вы струсили и бежите прочь, словно дети от ночных теней. Ффу! Я горжусь тем, что я варвар, когда вижу вас, воспитанных в городе слабаков, шарахающихся от стаи летучих мышей!

На миг ему удалось задержать их — но только на миг. Чернокрылый кошмар ринулся на него, и он — даже он — отшатнулся от жутких черных крыльев и вони ядовитого дыхания.

Солдаты бежали, оставив Конана в одиночку сражаться с тварью. И он сразился. Прочно упершись ногами, он взмахнул огромным мечом, выгнув корпус и вложив в удар всю силу спины, плеч и могучих рук.

Меч сверкнул, описав свистящую дугу стали и расколол фантом на две половины. Но, как и предполагал Конан, тварь была нематериальна. Меч встретил не больше сопротивления, чем сопротивление воздуха. Сила удара вывела воина из равновесия, и он растянулся на каменистой земле.

Над ним парила призрачная тварь. Его меч прорезал в ней большую дыру, подобно тому, как можно, взмахнув рукой, рассечь струйку дыма. Но у него на глазах туманное тело возвращало себе прежние очертания. Глаза, как щели, полные адского зеленого огня, сверкнули на него. Они горели жуткой радостью и нечеловеческим голодом.

— Кром!! — выдохнул Конан. Может, это было проклятие, но прозвучало оно почти как мольба.

Он попытался вновь поднять меч, но тот выпал из онемевших рук. В тот миг, когда меч рассекал призрачную тварь, он стал чудовищно холодным, исполненным наводящего дрожь холода небесных бездн, что щерятся чернотой позади далеких звезд.

Призрачная летучая мышь парила низко, медленно взмахивая крыльями, словно пожирая глазами свою лежащую жертву и впитывая в себя ее суеверный страх.

Бессильными руками Конан попытался нащупать за ремнем из сырой кожи, который поддерживал его набедренную повязку, кинжал с узким лезвием. Но его онемевшие пальцы вместо рукоятки кинжала наткнулись на кожаный кошель, который висел на ремне, и коснулись чего-то гладкого и теплого внутри кошеля.

Конан отдернул руку, когда странное тепло пронзило его пальцы и оживило нервы. В кошеле лежал странный амулет, который он нашел вчера, когда они стояли лагерем в Бахари. Прикоснувшись к гладкому камню, он освободил неизвестные силы.

Черная тварь внезапно шарахнулась от него. Мгновением ранее она была так близко, что его тело покрылось мурашками от сверхъестественного холода, который исходил от призрака. Теперь тварь вовсю улепетывала от него, яростно маша крыльями.

Конан с трудом поднялся на колени, чувствуя слабость, которая сковывала тело. Сначала призрачный холод прикосновения фантома, затем это пронзительное тепло, которое прошило насквозь его нагое тело. Он чувствовал, как его физические силы тают меж этих двух могучих противоборствующих Сил. Перед глазами у него поплыло, он был на грани потери сознания. Конан яростно тряхнул головой, чтобы прояснить мысли, и осмотрелся.

— Митра! Кром и Митра! Неужели весь мир сошел с ума?

Смертоносная армия летучих ужасов заставила солдат генерала Бакры бежать с поля боя. Те, кто бежал недостаточно быстро, были перебиты. Ухмыляющихся солдат армии Манхассем Хана твари не трогали — не обращали на них внимания, как будто солдаты Яралета и призрачные кошмарные твари были соратниками, состоящими в каком-то нечистом союзе, заключенном при помощи черной магии.

Но теперь пришел черед воинов Яралета с воплями бежать с поля боя от призрачных вампиров. Обе армии разбиты и бежали: неужели мир действительно сошел с ума, вопрошал Конан закатные небеса.

Что до киммерийца, силы и сознание покинули его окончательно. Он погрузился в черноту беспамятства.

2. КРОВАВОЕ ПОЛЕ

Солнце, словно багровый уголь, тлело над горизонтом. Оно взирало на поле боя подобно единственному глазу, что безумно сверкает в уродливом лбу циклопа. Объятое молчанием смерти, заваленное обломками войны, поле битвы простиралось мрачное и неподвижное под огненными лучами светила. Тут и там среди распростершихся недвижных тел красные лужи застывшей крови лежали тихими озерами, отражающими кровавые небеса.

Темные фигуры украдкой пробирались в высокой траве, обнюхивая и наваленные грудами трупы и повизгивая. Их горбатые спины и уродливые собакоподобные морды выдавали в них степных гиен. Для них поле битвы будет банкетным столом.

Вниз с багровеющего неба, неуклюже взмахивая крыльями, спускались черные стервятники попировать мертвецами. Угрюмые птицы падали на истерзанные тела с шелестом темных крыльев. Если не считать этих пожирателей падали, ничто не двигалось на объятом молчанием, залитом кровью поле. Оно было неподвижно, как сама смерть. Ни скрип колес колесницы, ни рев бронзовых труб не нарушали сверхъестественное молчание. Тишина смерти сменила здесь отгремевший гром битвы.

Подобно наводящим ужас предвестникам Судьбы неровная линия цапель медленно пролетела низко над горизонтом, направляясь к заросшим тростником берегам реки Незвая. Ее разлившиеся в половодье воды отсвечивали тусклым багровым блеском в последних солнечных лучах. За рекой черная громада обнесенного стеной города Яралет высилась горой цвета эбенового дерева на фоне сумерек.

Однако единственная крошечная фигура все же двигалась на этом широко раскинувшемся поле смерти, освещенном тлеющими углями заката. Это был юный гигант-киммериец с черной гривой волос и горящими голубыми глазами. Черные крылья межзвездного холода лишь слегка коснулись его; жизнь зашевелилась в нем и сознание вернулось. Он расхаживал по черному полю, слегка хромая, так как на бедре у него была ужасная рана, которую он получил в горячке боя, а заметил и наспех перевязал только когда очнулся и попытался встать.

Внимательно, хоть и нетерпеливо, он продвигался среди мертвых, залитых кровью. Он был покрыт засохшей кровью с головы до ног, а огромный меч в его руке был запятнан багровым по самую рукоять. Конан устал до смерти, а его горло пересохло, как пустыня. Он испытывал боль

от двух десятков ран. Все они были не более чем порезами и царапинами, кроме огромного разреза на бедре. Мучимый голодом и жаждой, он страстно мечтал о куске мяса и бурдюке вина.

Хромая среди мертвых тел, перебираясь от покойника к покойнику, он ворчал, как голодный волк, и сыпал гневными проклятиями. Конан ввязался в эту туранскую войну как наемник, у которого не было ничего, кроме лошади — теперь убитой — и огромного меча, который он держал в руке. Теперь сражение было проиграно, война закончилась, и он остался в полнейшем одиночестве посреди вражеской земли. Он надеялся по крайней мере поживиться у павших какими-нибудь ценными предметами, которые им больше не нужны. Кинжал с украшенной драгоценными камнями рукоятью, золотой браслет, серебряная нагрудная пластина — несколько таких штучек, и он сможет купить себе дорогу прочь из владений Манхассем Хана и вернуться в Замору не с пустыми руками.

Но до него здесь побывали другие: либо воры, прокравшиеся из темного города, либо солдаты, вернувшиеся на поле битвы, с которого ранее бежали. Потому что вся добыча была унесена с поля, остались только сломанные мечи, расколотые копья, помятые шлемы и щиты. Конан осмотрел усыпанную трупами и мусором равнину, яростно ругаясь. Он лежал в беспамятстве слишком долго; даже искатели добычи уже покинули поле. Он был волком, который промедлил, и шакалы украли его добычу. В данном случае это были шакалы в человеческом облике.

Выпрямившись, он прекратил свои бесплодные поиски с фатализмом истинного варвара. Пора было обдумать, что делать дальше. Сведя брови к переносице, задумчиво нахмурившись, Конан неуверенно глянул вдаль, где на фоне умирающего блеска заката черными грубыми силуэтами высились квадратные, с плоскими крышами башни Яралета. Не стоит надеяться найти там прибежище тому, кто сражался под знаменами короля Йилдиза! Однако ни одного города, вражеского или дружеского, поблизости больше не было. А Аграпур, столица Йилдиза, лежит в сотнях лиг к югу…

Погруженный в раздумья, он не заметил приближения высокой черной фигуры, пока его слуха не достигло слабое дрожащее ржание. Конан быстро обернулся, не нагружая свою раненую ногу, и угрожающе поднял меч. Затем он расслабился и улыбнулся.

— Кром! Ну ты меня и напугала. Значит, я не единственный, кто выжил?

— ухмыльнулся Конан.

Высокая черная кобыла дрожала и смотрела на обнаженного гиганта большими испуганными глазами. Это была та самая кобыла, на которой

скакал генерал Бакра, лежащий теперь где-то здесь, на поле, в луже крови.

Кобыла тихонько заржала, благодарная звуку дружелюбного человеческого голоса. Хотя Конан и не был опытным наездником, он видел, что лошадь в плохом состоянии. Ее вспотевшие от страха бока вздымались, а длинные ноги дрожали от крайней усталости. Конан угрюмо подумал, что дьявольские летучие мыши поразили ужасом и ее сердце тоже. Он заговорил успокаивающе, и осторожно подходил все ближе, пока не смог протянуть руку и погладить переступающую с ноги на ногу лошадь. Мягкими движениями он заставил ее слушаться.

На его далекой северной родине лошади встречались редко. Среди безденежных варваров киммерийских племен, от которых он происходил, хороший конь мог быть только у очень богатого вождя или у храброго воина, который добыл скакуна в бою. Но несмотря на свое незнание тонкостей обращения с лошадьми, Конан сумел успокоить огромную черную кобылу и вскочил в седло. Он уселся верхом, разобрал поводья и медленно двинулся по полю, которое теперь представляло собой область чернильной темноты во мраке ночи. Конан почувствовал себя лучше. В седельных сумках была провизия, а верхом на доброй лошади у него было куда больше шансов пересечь пустую и безжизненную тундру и добраться до границ Заморы.

3. ХИЛДИКО

Низкий мучительный стон достиг его слуха.

Конан дернул поводья, заставив черную кобылу остановиться, и стал подозрительно всматриваться в непроглядную тьму. Волосы его зашевелились от суеверного ужаса, вызванного жутким звуком. Затем он пожал плечами и буркнул проклятие. Это не был ночной призрак или голодный вампир пустошей; это был всего лишь крик боли. Это означало, что нашелся третий выживший в страшной битве. Раз он жив, значит, его могли и не ограбить.

Конан соскочил с лошади, обмотал поводья вокруг спиц колеса сломанной колесницы. Крик донесся слева. Там, на самом краю поля битвы выживший мог избежать зоркого глаза искателей добычи. У Конана появился шанс добраться до Заморы с пригоршней драгоценных камней в кошеле.

Киммериец принялся разыскивать того, кто издал стон. Он добрался до самого края равнины. Конан развел руками невысокие тростники, которые росли кучками на берегу медленной реки, и уставился на бледную фигуру, которая слабо шевелилась у самых его ног. Это была девушка.

Она лежала наполовину нагая, ее белое тело было покрыто ссадинами и порезами. Кровь запеклась в ее длинных черных волосах, как рубиновые бусы. Ее темные блестящие глаза смотрели невидящим взором, отражая лишь боль. Девушка стонала в беспамятстве.

Киммериец стоял, глядя вниз на девушку. Он бессознательно отметил красоту ее гибкого тела, округлость спелой юной груди. Он был озадачен. Что такая девушка, почти дитя, делала здесь, на поле битвы? Она не была похожа на крепкую, хмурую, пышнотелую лагерную девку. Ее гибкое изящное тело предполагало хорошее воспитание, может быть, даже высокое происхождение. В недоумении Конан покачал головой, разметав по плечам черную гриву. Девушка у его ног зашевелилась.

— Сердце… Сердце… Таммуза… О хозяин! — тихо воскликнула она. Ее темноволосая голова моталась из стороны в сторону. Девушка говорила бессвязно, как в горячке.

Конан пожал плечами, и на миг закрыл глаза. У другого человека это можно было счесть выражением жалости. Она смертельно ранена, угрюмо подумал он и поднял меч, чтобы прикончить несчастную девчонку и освободить от страданий.

Когда лезвие нависло над нею, девушка снова забормотала, как больной ребенок. Огромный меч остановился в воздухе, и киммериец на мгновение замер, неподвижный, как бронзовая статуя.

Затем, внезапно решившись, он сунул меч обратно в ножны, наклонился и легко поднял девушку могучими руками. Она слабо сопротивлялась, ничего не видя, и стонала в полусознательном протесте.

Неся ее нежно и бережно, он захромал к скрытому тростником берегу реки и осторожно положил ее на пучок высохшего тростника. Зачерпнув пригоршнями воду, варвар умыл ее белое лицо и промыл раны так нежно, как мать обращается с ребенком.

Ее раны оказались несерьезными, всего лишь порезы, если не считать рассеченного лба. Даже эта рана, хотя она сильно кровоточила, была далеко не смертельна. Конан заворчал с облегчением и снова умыл ее лицо и лоб чистой холодной водой. Затем, устроив ее голову у себя на груди, он влил немного воды в ее полуоткрытые губы. Девушка судорожно вздохнула, закашлялась и пришла в себя. Она уставилась на него снизу вверх глазами, похожими на темные звезды, затуманенными удивлением и страхом.

— Кто… что… летучие мыши!

— Их уже нет, девочка, — сказал он грубовато. — Тебе нечего бояться. Ты пришла сюда из Яралета?

— Да… да… но кто ты?

— Конан Киммериец. Что девица вроде тебя делает на поле сражения? — спросил он.

Но она будто не слышала. Она слегка нахмурила лоб, словно в раздумьях, и беззвучно, одними губами повторила его имя.

— Конан… Конан… да, именно это имя! — Она подняла изумленный взгляд на его покрытое шрамами бронзовое лицо. — Меня послали найти тебя. Как удивительно, что ты меня обнаружил!

— А кто послал тебя за мной, девчонка? — подозрительно проворчал он.

— Я Хилдико, бритунка, рабыня из Дома Аталиса Далековидящего, что находится в Яралете. Мой хозяин тайно послал меня пробраться среди воинов короля Йилдиза и найти некоего Конана, наемника из Киммерии, и потайным путем привести его в город и в Дом. Ты — тот, кого я искала!

— Вот как? И что твоему хозяину нужно от меня?

Девушка покачала темноволосой головой.

— Это мне неведомо. Но он велел сказать тебе, что он не желает вреда, и если ты придешь, то получишь много золота.

— Хм, золота? — пробормотал он задумчиво, помогая ей подняться на

ноги и поддерживая ее бронзовой рукой за белые плечи, так как она покачивалась от слабости.

— Да. Но я не успела на поле до начала битвы. И спряталась от воинов в тростниках у реки. И вдруг — летучие мыши! Они внезапно оказались повсюду, падали с неба на людей, убивали… Один из всадников бежал от них сквозь камыши и, не видя меня, сбил под копыта лошади…

— Что с этим всадником?

— Мертв, — она вздрогнула. — Летучая мышь вырвала его из седла, а затем бросила его труп в реку. Я потеряла сознание, потому что лошадь в панике ударила меня…

Девушка подняла маленькую руку к ране на лбу.

— Тебе повезло, что ты осталась жива, — пробурчал Конан. — Ладно, девчонка, мы отправимся в гости к этому твоему хозяину, и выясним, что ему нужно от Конана. И откуда он знает мое имя!

— Ты пойдешь? — беззвучно шепнула она.

Он рассмеялся и, запрыгнув в седло черной кобылы, поднял девушку могучими руками на луку седла перед собой.

— Да! Я одинок, среди врагов, в чужой стране. Моя работа окончилась вместе с гибелью армии Бакры. Почему бы мне не встретиться с человеком, который выбрал меня среди десяти тысяч воинов и сулит мне золото?

Они перебрались через реку по утонувшему в тени броду, пересекли погруженную во мрак равнину и добрались до Яралета, твердыни Манхассем Хана. Сердце Конана, которое никогда не билось с большей радостью, чем в предчувствии приключений, пело.

4. ДОМ АТАЛИСА

Странная беседа происходила в небольшой комнате с драпированными бархатом стенами, освещенной тонкими свечами. Комната принадлежала Аталису, которого одни называли философом, другие ясновидцем, а третьи плутом.

Эта таинственная личность была худощавым мужчиной среднего роста, с великолепной головой и строгими чертами истинного ученого, однако острый взгляд его напоминал скорее взгляд проницательного торговца. Он был одет в прямое платье из богатой ткани, а голова его была обрита в знак того, что он посвятил себя искусствам и наукам. Аталис негромко говорил со своим собеседником, и сторонний наблюдатель, если бы таковой нашелся, мог бы заметить в его поведении странную особенность. Беседуя, Аталис жестикулировал только левой рукой. Правая его рука лежала на бедре, неестественно вывернувшись. И время от времени его спокойное умное лицо ужасно искажалось внезапным спазмом сильной боли. В этот миг его правая нога, скрытая под длинным одеянием, судорожно дергалась.

Его собеседником был тот, кого в городе Яралет знали и чтили как принца Тхана, отпрыск древнего и аристократического дома Турана. Принц был высоким худым человеком, юным и неоспоримо красивым. Его правильное и крепкое тело воина, спокойная уверенность его серо-стальных глаз обращали на себя большее внимание, чем пышность завитых и надушенных черных волос и расшитого драгоценностями плаща.

Рядом с Аталисом, который сидел в кресле с высокой спинкой, сделанном из темного дерева и покрытом сложной резьбой, в которой были злобно смотрящие химеры и ухмыляющиеся рожи, стоял столик из эбенового дерева, инкрустированного слоновой костью. На столике покоился огромный кусок зеленого кристалла, величиной в человеческую голову. Кристалл мерцал странным внутренним сиянием. Время от времени философ прерывал беседу и вглядывался в глубь мерцающего камня.

— Она найдет его? А он придет? — в отчаянии произнес принц Тхан.

— Он придет.

— Но с каждым мгновением опасность все возрастает. Даже сейчас Манхассем Хан может наблюдать, и нам опасно быть вместе…

— Манхассем Хан лежит, опьяненный сонным лотосом, ибо Тени

Нергала были в мире в час заката, — сказал философ. — А на некоторый риск мы должны пойти, если хотим освободить город от этого тирана с кровавыми руками! — Его лицо болезненно дернулось в невольной гримасе непереносимой боли, затем снова разгладилось. Он угрюмо сказал: — И ты знаешь, о принц, как мало времени у нас осталось. Отчаянные усилия отчаявшихся людей!

Внезапно красивое лицо принца исказилось паникой и глаза его, устремленные на Аталиса, вдруг помертвели, превратившись в холодный мрамор. Почти столь же быстро жизнь вернулась в его глаза, и принц откинулся на спинку кресла, бледный и вспотевший.

— Очень… мало… времени! — выдохнул он.

Скрытый гонг негромко прозвенел где-то в темном и тихом доме Аталиса Далековидящего. Философ поднял левую руку, успокаивая встревоженного принца.

Мгновением позже одна из бархатных драпировок отодвинулась, обнаружив потайную дверь. В двери, словно кровавый призрак, возникла гигантская фигура киммерийца, который поддерживал наполовину потерявшую сознание девушку.

Негромко вскрикнув, философ вскочил на ноги и направился к мрачному киммерийцу.

— Добро пожаловать… трижды добро пожаловать, Конан! Входи, иди сюда. Вот вино… еда…

Он указал на табурет у дальней стены и забрал у Конана полуобморочную девушку. Ноздри киммерийца расширились, как у волка, при виде еды. Но, подозрительный как тот же волк, всегда настороже, чтобы не попасть в ловушку, он обвел горящими голубыми глазами улыбающегося философа и бледного принца, и осмотрел каждый уголок маленькой комнаты.

— Позаботьтесь о девчонке. Ее сбила лошадь, но она все равно доставила мне ваше послание, — проворчал он и без церемоний пересек комнату, налил и осушил кубок крепкого красного вина. Схватив основательный кусок мяса с тарелки, он принялся насыщаться. Аталис позвонил в колокольчик и передал девушку на попечение молчаливого раба, который появился из-за другой драпировки как по волшебству.

— Ну, так в чем дело? — спросил киммериец, усевшийся на низкую скамейку и сморщившись от боли в раненом бедре. — Кто вы такие? Откуда вы знаете мое имя? И что вам от меня нужно?

— Мы поговорим позже, — ответил Аталис. — Ешь, пей и отдохни. Ты ранен…

— Кром побери любые задержки! Будем говорить сейчас.

— Хорошо. Но позволь мне промыть и перевязать твою рану, пока мы будем говорить.

Киммериец пожал нетерпеливо плечами и что-то невежливо пробурчал в ответ на любезное поведение философа. Пока Аталис промывал его рану, умащал ее пахучей мазью и перевязывал чистой полосой ткани, Конан утолял голод, пожирая холодное мясо с пряностями и поглощая красное вино.

— Я знаю тебя, хотя мы никогда не встречались, — начал Аталис мягким спокойным голосом. — Тому причиной мой кристалл — вон тот, на столике рядом с креслом. В его глубинах я могу видеть и слышать на тысячи лиг.

— Колдовство? — Конан мрачно сплюнул, демонстрируя презрение воина к подобным магическим штучкам.

— Называй так, если хочешь, — льстиво улыбнулся Аталис. — Но я не колдун, я лишь ищу знания. Некоторые называют меня философом… — его улыбка скривилась в чудовищный оскал агонии. Покрывшись мурашками от ужаса, Конан смотрел, как корчится философ.

— Кром! Ты что, болен?

Задыхаясь от боли, Аталис упал в свое кресло с высокой спинкой.

— Не болен, проклят. Проклят этим негодяем, который правит нами чудовищным скипетром магии, рожденной в аду…

— Манхассем Ханом?

Аталис устало кивнул.

— То, что я не колдун, сохранило мне жизнь — пока. Сатрап уничтожил всех магов Яралета. Меня, скромного философа, он оставил жить. Но он подозревает, что мне известно кое-что из Черных Искусств, и он проклял меня этим смертельным недугом. Он корчит мое тело и истязает мои нервы, и вскоре прикончит меня! — Аталис указал на неестественно скрюченную руку, безжизненно лежащую на его бедре.

Принц Тхан дико глянул на Конана.

— Я тоже был проклят этим исчадием ада, ибо я следующий за Манхассем Ханом в иерархии, и он полагает, что я могу желать его трона. Меня он мучает другим способом. Болезнь мозга вызывает у меня приступы слепоты. В конце концов она пожрет мой мозг и превратит меня в лишенную мыслей и зрения воющую тварь!

— Кром! — Конан тихо выругался. Философ протянул к нему руку.

— Ты — наша единственная надежда! Ты один можешь спасти наш город от дьявола с черным сердцем, который истязает нас!

Конан непонимающе уставился на него.

— Я? Но я не колдун, приятель! Все что может сделать воин с железом в руке, я могу сделать для вас; но как я могу сражаться с магией этого дьявола?

— Выслушай меня, Конан из Киммерии. Я поведаю тебе странную и чудовищную историю…

5. РУКА НЕРГАЛА

Вот что рассказал Аталис.

В городе Яралет с наступлением ночи люди закрывают ставнями окна, запирают накрепко двери и дрожат от ужаса, и зажигают свечи перед алтарями своих покровителей-богов, и молятся до тех пор, пока чистый свет зари не коснется квадратных башен города, превращая их в гравюру на фоне светлеющего неба.

Ворота города не стерегут лучники. Стража не обходит дозором пустые улицы. Не крадется вор по ветреным аллеям, и раскрашенные девки не стоят на углах и в подворотнях. Ибо в Яралете негодяи и честный люд равно страшатся ночных теней; вор, попрошайка, убийца и уличная девка ищут убежища в вонючих притонах или плохо освещенных тавернах. От заката до рассвета Яралет — это город молчания, и его темные улицы совершенно пусты.

Так было не всегда. Некогда Яралет был процветающим и веселым городом, с бурной торговлей, полным лавок и базаров, в котором жили счастливые люди. Ими правил сильной рукой мудрый и добрый владыка Манхассем Хан. Он не брал больших налогов, правил справедливо и милосердно, занимался своей коллекцией древностей. Его острый пытливый ум был поглощен изучением этих древних предметов. В караванах медлительных верблюдов, выходящих из Пустынных Ворот, всегда среди купцов ехали люди Манхассем Хана, которые разыскивали диковины и редкости, чтобы купить их для музея своего господина.

Затем он переменился, и чудовищная тень нависла над Яралетом. Словно могучее и злое заклинание изменило сатрапа. Там, где он был добр, он стал жесток. Где был справедлив и милосерден, стал злобным и подозрительным тираном.

Ни с того, ни с сего городская гвардия схватила многих людей — аристократов, богатых купцов, жрецов, магов, — они исчезли в темницах под дворцом сатрапа, и больше их никто не видел.

Кое-кто шептался о том, что караван с далекого юга привез правителю нечто из глубин проклятой Стигии. Немногие видели это, и один из них сказал, дрожа всем телом, что вещь эта была покрыта странными нескладными иероглифами, как те, которые вырезаны на пыльных стигийских могилах. Похоже было, что именно эта вещь наложила страшное заклятие на сатрапа, она же дала ему потрясающее могущество

черной магии. Сверхъестественные силы защищали его от тех отчаявшихся патриотов, которые пытались прикончить его. Странные багровые огни сверкали в окнах высокой башни его дворца, которую, как шептались люди, он превратил в мрачный храм какого-то темного и кровавого бога.

Ужас бродил по улицам ночного Яралета, словно призванный из царства смерти чудовищными, дьявольскими преданиями.

Люди точно не знали, чего они боятся в ночи. Но это не были пустые сны, от которых они вскоре стали запирать двери и окна. Говорили о мельком увиденных за окнами крадущихся подобиях летучих мышей — о парящих темных ужасах, неведомых человеческому знанию, опасных для человеческого рассудка. Расползались слухи о выломанных ночью дверях, о жутких воплях и визге, исходящих из глоток людей — за которыми следовала абсолютная тишина, исполненная зловещего смысла. Самые смелые говорили о том, как восходящее солнце освещало через разбитые двери внутренность домов, которые оказывались внезапно и необъяснимо пусты…

Вещью из Стигии была Рука Нергала.

— Она выглядит, — сказал тихо Аталис, — как рука с когтями, вырезанная из старой слоновой кости, вся покрытая странными иероглифами забытого языка. В когтях рука держит шар из дымчато-туманного кристалла. Я знаю, что она есть у сатрапа. Я видел ее здесь, — он махнул рукой, — в моем кристалле. Ибо, хоть я и не колдун, мне ведомо кое-что из Черных Искусств.

Конан беспокойно поежился.

— Ты знаешь, что это за вещь?

Аталис слабо улыбнулся.

— Знаю ли я? О да! Старые книги говорят о ней и нашептывают мрачную легенду ее кровавой истории. Слепой ясновидящий, написавший Книгу Скелоса, много знал о ней… Рука Нергала, именуют ее с дрожью в мыслях. Говорят, что она упала со звезд на закатные острова дальних западных пределов, за века и века до того, как возвысился Король Кулл и объединил под своими знаменами Семь Империй. Столетия и эпохи, которые нельзя охватить разумом, прокатились над миром с тех пор, как бородатый пиктский рыбак выловил ее из глубин и завороженно уставился к дымчатые огни кристалла! Пикты обменяли ее на товары у жадных купцов-атлантов, и она перешла на восток. Иссохшие седобородые маги древней Тулы и темного Грондара изучали ее тайны в своих пурпурных и серебряных башнях. Люди-змеи из таинственной Валузии вглядывались в

сверкающую глубь кристалла. С ее помощью Ком-Язох правил Тридцатью Царями, пока Рука не обратилась против него и не убила его. Ибо Книга Скелоса гласит, что Рука приносит владеющему ею два дара: первый — власть, не имеющая границ; второй — смерть, чудовищнее которой не бывает.

В тихой комнате раздавался только спокойный голос философа, но черноволосому воину показалось, что он слышит, как во сне, слабое эхо грохочущих колесниц, лязг стали, крики пытаемых королей, тонущие в громе рушащихся империй…

— Когда весь древний мир погиб в Катастрофе, и море погребло в своих глубинах разбитые пики затерянной Атлантиды, а народы один за другим вернулись к дикости, Рука исчезла из пределов досягаемости человека. Три тысячи лет Рука спала, но когда юные королевства Кос и Офир вышли из варварства, талисман был вновь обнаружен. Мрачные короли-колдуны угрюмого Ахерона пытались раскрыть ее тайны, а когда сильные гиборейцы растоптали это жестокое королевство, Рука перешла на юг, в пустынную Стигию, где кровавые жрецы этой черной земли использовали ее в чудовищных целях в ритуалах, о которых я не смею говорить. Когда какой-то смуглый колдун был убит, Рука была похоронена вместе с ним и спала долгие столетия… но теперь грабители могил снова вернули к жизни Руку Нергала, и она попала к Манхассем Хану. Искушение полной и абсолютной власти, даруемой Рукой, развратило его, как до него — бесчисленное количество других, покорившихся коварной власти Руки. Я боюсь, киммериец, боюсь за все эти земли, ибо теперь, когда Рука Демона проснулась, и темные силы снова бродят по земле…

Голос Аталиса понизился до шепота и замер. Конан поежился и нарушил молчание, неловко проворчав:

— Н-ну ладно… Во имя Крома, приятель, но я-то какое отношение имею к этим делам?

— Ты один можешь уничтожить воздействие талисмана на мозг сатрапа!

Горящие голубые глаза расширились.

— Как?

— Ты единственный владеешь противо-талисманом.

— Я? Ты сошел с ума! У меня нет никаких амулетов и прочей магической дребедени…

Аталис, подняв руку, заставил его замолчать.

— Разве ты не нашел странный золотой предмет накануне битвы? — мягко спросил он. Конан уставился на него.

— Ну да, нашел. В Бахари, накануне вечером, когда мы стояли лагерем…

Он сунул руку в кошель на поясе и вынул гладкий блестящий камень. Философ и принц воззрились на него, забыв дышать.

— Сердце Таммуза! Воистину это и есть тот самый противо-талисман!

Талисман имел форму сердца, величиной с кулак ребенка. Сделан он был из золотого янтаря или, возможно, из редкого желтого нефрита. Он лежал на ладони киммерийца, сияя мягкими огнями, и Конан с благоговейным трепетом вспомнил, как целебная пронзительная теплота талисмана изгнала из его тела сверхъестественный холод крылатых теней.

— Иди, Конан! Мы пойдем с тобой. Из этой комнаты есть секретный ход во дворец сатрапа, в зал, где он сейчас находится, — подземный тоннель, подобный тому, которым моя рабыня Хилдико провела тебя под городом в мой дом. Ты, вооруженный и защищенный Сердцем, убьешь Манхассем Хана или уничтожишь Руку Нергала. Опасности нет, ибо сатрап лежит, погруженный в глубокий магический сон, который приходит к нему всегда после того, как ему приходится призвать Тени Нергала. А сегодня вечером ему пришлось сделать это, чтобы победить туранскую армию Короля Йилдиза. Иди же!

Конан поднялся из-за стола и выпил остатки вина. Затем он пожал плечами, пробормотал имя Крома и последовал за хромающим ясновидцем и принцем в темное отверстие за драпировкой.

Мгновением позже они уже скрылись в отверстии, и комната осталась пустой и тихой, как могила. Единственным движением было мерцание огней внутри зеленого зазубренного кристалла на столике рядом с креслом. В его глубине можно было разглядеть фигурку Манхассем Хана, лежащего в наркотическом сне посреди огромного зала.

6. СЕРДЦЕ ТАММУЗА

Они шли сквозь нескончаемую тьму. Вода капала с потолка высеченного в камне тоннеля, и время от времени с пола на них сверкали красными огоньками глаз крысы — сверкали, и исчезали с яростным визгом. Маленькие мусорщики удирали от ног странных существ, что вторглись в их подземные владения.

Аталис шел первым, пробуя здоровой рукой мокрую неровную стену пещеры.

— Я бы не стал возлагать эту задачу на тебя, мой юный друг, — сказал он шепотом. — Но Сердце Таммуза попало в твои руки, и я ощутил целенаправленность — судьбу — в его выборе. Мы называем противоборствующие силы: Темную Силу — «Нергал», Светлую Силу — «Таммуз». Между ними существует определенная связь. Сердце проснулось и каким-то непостижимым образом сделало так, что его нашли — потому что Рука уже бодрствовала и выполняла свое ужасное предначертание. Поэтому я поручил тебе это задание, ибо Силы уже избрали тебя для этого деяния… ТИХО! Мы уже под дворцом. Почти на месте…

Аталис протянул руку и коснулся грубой поверхности камня, загораживающего проход. Каменная глыба беззвучно отъехала в сторону на невидимых противовесах. В тоннель ворвался свет.

Они стояли в одном конце широкого, полного теней зала, высокий сводчатый потолок которого терялся во мраке. В центре зала, который был пуст, если не считать могучих колонн и этого единственного предмета, располагалось квадратное возвышение, а на возвышении — массивный трон из черного мрамора. На троне находился Манхассем Хан.

Он был средних лет, но худой и истощенный до предела. Белая, как бумага, нездоровая плоть, обтянутый кожей череп, черные круги вокруг запавших глаз. Он лежал на спине, откинувшись, а на груди у его покоилась рука с предметом, который он держал как скипетр. Это был жезл из слоновой кости, один конец которого был сделан в виде когтистой лапы демона, держащей дымчатый кристалл, который пульсировал неясными огнями, как живое сердце. Рядом с троном на медном блюде курилось наркотическое снадобье: сонный лотос, испарения которого давали колдуну силу вызвать демонов-теней Нергала. Аталис вцепился Конану в руку.

— Смотри — он все еще спит! Сердце защитит тебя. Выхвати у него Руку из слоновой кости, и вся власть покинет его!

Конан что-то проворчал в знак неохотного согласия, и двинулся вперед с мечом в одной руке. Что-то в это было такое, что ему не нравилось. Слишком легко…

— О, господа! Я вас ожидал.

Манхассем Хан улыбнулся им с возвышения. Они застыли в изумлении. Его тон был мягким, но безумная ярость горела в его больных глазах. Он поднял скипетр власти; он сделал движение…

Огни кристалла жутко вспыхнули. И вдруг, внезапно, хромой ясновидец закричал. Его мускулы скрючились в судороге невыносимой агонии. Он упал на мраморные плиты, корчась от боли.

— КРОМ!

Принц Тхан схватился за рапиру, но движение магической Руки остановило его. Его глаза стали пустыми и мертвыми. Ледяной пот выступил на побледневшем лбу. Он испустил пронзительный крик и упал на колени, раздирая ногтями лоб, когда клыки ослепляющей боли вонзились в его мозг.

— А теперь ты, мой юный варвар!

Конан прыгнул. Он двигался как атакующая пантера, крепкое тело превратилось в стремительный вихрь. Он был на первой ступеньке возвышения раньше, чем Манхассем Хан успел шевельнуться. Его меч взметнулся вверх, закачался и выпал из ослабевших рук. Волна полярного холода лишила чувствительности тело. Холод исходил из туманного кристалла в когтях Руки. Конан, задыхаясь, глотнул воздух.

Горящие глаза Манхассем Хана впились в его глаза. Лицо-череп оскалилось в жутком подобии веселья.

— Воистину Сердце защищает — но лишь того, кто знает, как вызвать к жизни его мощь! — злорадно хихикнул сатрап, наблюдая, как Конан пытается вернуть силу могучим мускулам. Конан выпятил подбородок и дико, угрюмо боролся против волны холода и зловонной тьмы, которые источал вместе с темными лучами демонический кристалл, и которая понемногу затемняла его рассудок. Силы вытекали из его тела, как вино из порванного меха. Конан упал на колени, затем скатился к подножию возвышения. Он чувствовал, как его сознание сокращается до слабой одинокой точки света, затерянной в широком просторе ревущей тьмы. Последняя искра воли трепетала словно огонек свечи под напором шторма. Без надежды, но с яростной, неодолимой решимостью дикаря он продолжал бороться…

7. СЕРДЦЕ И РУКА

Закричала женщина. Манхассем Хан от неожиданности обернулся на звук. Его внимание отвлеклось от Конана — фокус исчез — и в этот краткий миг белая фигурка нагой девушки с темными сверкающими глазами и черным водопадом кудрей быстро скользнула из тени колонны к беспомощному киммерийцу.

Конан уставился на нее сквозь клубящуюся тьму. Хилдико?

Быстрая как мысль, она опустилась на колени рядом с ним. Белая рука нырнула в кошель и вынырнула, сжимая Сердце Таммуза. Девушка быстро вскочила на ноги и швырнула противо-талисман в Манхассем Хана.

Камень ударил его между глаз с громким стуком. Закрыв глаза, сатрап сполз в объятия застеленного мягкими покрывалами черного трона. Рука Нергала выпала из бесчувственных пальцев и со стуком упала на мраморную ступеньку.

Как только талисман выпал из руки сатрапа, чары, которые держали Аталиса и принца Тхана в чудовищной агонии, исчезли. Бледные, дрожащие, измученные, они были живы, их муки прекратились. И могучая сила Конан вернулась в его распростертое тело. С проклятием он вскочил на ноги. Одной рукой он схватил Хилдико за плечо и отшвырнул ее прочь, подальше от опасности, а другой поднял меч с пола. Конан был готов разить врага.

Но он замер, изумленно моргая. С каждой стороны от тела сатрапа лежало по талисману. И из обоих поднялись сверхъестественные формы.

Из Руки Нергала распространилась темная мерцающая паутина злого излучения — сверкание тьмы, подобное блеску полированного эбенового дерева. Зловоние Бездны было в его нечистом дыхании, и проникающий до костей холод межзвездных глубин был в его губительном прикосновении. Перед его медленным продвижением блекло оранжевое пламя факелов. Оно росло, пуская щупальца блестящей тьмы, которые корчились и извивались.

Но нимб золотого сияния вокруг Сердца Таммуза усилился и вырос, образуя облако сверкающего янтарного огня. Тепло тысячи медовых источников струилось из него, отрицая полярный холод, и столбы сочного золотого света ударили в чернильно-черную паутину Нергала. Две космических силы встретились в поединке. Конан неохотно отошел подальше от этой битвы богов и присоединился к своим дрожащим

товарищам. Они стояли, в благоговейном трепете взирая на невероятную схватку. Дрожащая нагая фигурка Хилдико укрылась в его объятиях.

— Как ты сюда попала, девочка? — спросил он.

Она слабо улыбнулась, в глазах ее все еще был испуг.

— Я пришла в себя и направилась в комнату хозяина. Она была пуста. Но в кристалле ясновидения я увидела, как вы вошли в зал сатрапа, и как он проснулся. Я… я последовала за вами, и обнаружив, что вы в его власти, рискнула всем в попытке достать Сердце…

— Счастье для нас всех, что ты так поступила, — угрюмо выразил признательность Конан. Аталис схватил его за руку.

— СМОТРИ!

Золотой туман Таммуза превратился теперь в гигантскую фигуру, сверкающую невыносимо ярким светом, смутно напоминающую человеческую своими очертаниями, но огромную как каменные колоссы, вырезанные из скал Шема безвестными мастерами многие века назад.

Темное облако Нергала тоже распухло до невероятных размеров. Теперь это было огромное черное существо — уродливое, звероподобное, сгорбленное, похожее больше на гигантскую обезьяну, чем на человека. В туманном горбе, который служил ему головой, раскосые щели, полные злобного огня, сверкали как изумрудные звезды.

Две Силы сошлись с громовым ревом, потрясающим все вокруг, словно столкнувшиеся миры. Сами стены сотряслись от ярости их столкновения. Какое-то полузабытое чувство внутри четверых людей сказало им, что в бой вступили титанические космические силы. Воздух был наполнен резким запахом озона. Искры электрического огня длиной в руку вспыхивали в клубящейся ярости, когда золотой бог и темный демон сошлись в поединке.

Столбы невыносимо яркого света разорвали темную фигуру-тень. Сияющие лезвия рассекли ее на полосы плавающей в воздухе тьмы. На мгновение темное облако окружило и затмило сверкающую золотом фигуру — но только на мгновение. Еще один рев потрясающего землю грома, и черная фигура растворилась под напором ослепительного сияния. И исчезла. Мгновение образ, сотканный из света, возвышался над троном, вбирая в себя частицы тьмы, как могильный прах. Затем он тоже исчез.

В потрясенном громом зале Манхассем Хана воцарилась тишина. Оба талисмана исчезли с опаленного возвышения — либо распыленные на атомы яростью космических сил, что бушевали здесь, либо перенесенные куда-то далеко, где будут ждать следующего пробуждения существ, которых они символизировали или содержали в себе… Никто не мог бы сказать

точно.

А тело на троне? Ничего не осталось от него, не считая горсти пепла.

— Сердце всегда сильнее, чем рука, — мягко произнес Аталис в звенящей тишине.

Конан правил огромной черной кобылой — грубой, но уверенной рукой. Лошадь дрожала от нетерпения оказаться вне города, копыта звенели по булыжникам. Конан ухмыльнулся. Его варварскую натуру восхищала мощь великолепной кобылы. Широкий плащ из красного шелка ниспадал с его широких плеч, а посеребренная кольчуга сверкала в утреннем свете.

— Значит, ты твердо решил покинуть нас, Конан? — спросил принц Тхан, прекрасный в своих одеждах новый сатрап Яралета.

— Да! Гвардия Сатрапа — спокойное место, а мне не терпится попасть на эту новую войну, которую король Йилдиз затевает против горных племен. Неделя бездействия, и я наелся мирной жизнью до отвала! Так что желаю вам удачи, прощайте, Тхан, Аталис!

Он резко дернул поводья, развернул черную кобылу и направил ее к выходу из двора дома ясновидца. Аталис и принц благосклонно смотрели ему вслед.

— Странно, что наемник вроде Конана взял платы меньше, чем мог получить, — заметил новый сатрап. — Я предложил ему полный сундук золота, ему бы хватило этого на всю жизнь. Но он взял только небольшой кошель золота, лошадь, которую нашел на поле битвы и выбранные им оружие и доспехи. Слишком много золота, сказал он, только замедлит его.

Аталис пожал плечами, затем улыбнулся, указывая на дальний конец двора. В двери показалась стройная британская девушка с длинной шевелюрой кудрявых черных волос. Она подошла Конану, который остановил лошадь и наклонился к девушке. Они обменялись несколькими словами, затем он нагнулся, подхватил ее за тонкую талию, поднял и посадил перед собой. Она оказалась лицом к нему и, обхватив обеими руками его могучую шею, спрятала лицо у него на груди.

Конан обернулся, взмахнул бронзовой рукой, ухмыльнулся им на прощание и выехал со двора вместе с прижавшейся к нему гибкой девичьей фигуркой.

Аталис усмехнулся.

— Некоторые люди сражаются за другие вещи, не за золото, — заметил он.

Переход к списку